

Наукове життя

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ: 1991-2011

(«круглый стол» в рамках XVI Международной научной конференции
«Харьковские социологические чтения»)

«Круглый стол» «Социально-политические трансформации в постсоветских странах: 1991-2011» состоялся 3 ноября 2011 года в рамках XVI Международной научной конференции «Харьковские социологические чтения». «Круглый стол» был организован и проведен Социологической ассоциацией Украины, социологическим факультетом Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина и Восточнoукраинским Фондом социальных исследований. Участниками «круглого стола» стали ведущие социологи Украины, стран СНГ и Европы. Во время работы «круглого стола» обсуждались общие тенденции социально-политического развития, характерные для всего постсоветского пространства, а также особенности трансформационных процессов в независимых государствах, образовавшихся в Восточной Европе после распада СССР.

«Round Table» «Social and political transformations in post-Soviet countries: 1991-2011» was held on November, 3, 2011 within the framework of XVI International Conference «Kharkiv Sociological Readings». «Round Table» was organized and conducted by Sociological Association of Ukraine, the School of Sociology of V.N. Karazin Kharkiv National University and East-Ukrainian Foundation for Social Research. Leading sociologists of Ukraine, CIS countries and Europe took part in the “round table”. During the “round table” general trends of social and political development inherent to the whole post-Soviet space and peculiarities of transformation processes in the independent states that formed in Eastern Europe after the collapse of the Soviet Union were considered.

«Круглий стіл» «Соціально-політичні трансформації у пострадянських країнах: 1991-2011» відбувся 3 листопада 2011 року в рамках XVI Міжнародної наукової конференції «Харківські соціологічні читання». «Круглий стіл» був організований і проведений Соціологічною асоціацією України, соціологічним факультетом Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна та Східноукраїнським Фондом соціальних досліджень. Учасниками «круглого столу» стали провідні соціологи України, країн СНД та Європи. Під час роботи «круглого столу» обговорювалися загальні тенденції соціально-політичного розвитку, характерні для всього пострадянського простору, а також особливості трансформаційних процесів у незалежних державах, які утворилися в Східній Європі після розпаду СРСР.

Модераторы:

Бакиров Виль Савбанович – доктор социологических наук, профессор, академик НАН Украины, ректор Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, Президент Социологической ассоциации

Украины (Украина);

Херпфер Кристиан – ведущий профессор кафедры политологии и международных отношений Королевского колледжа университета Абердина, Директор Европейского исследовательского центра, член

© Социологическая ассоциация Украины, 2012

© Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, 2012

© Восточнoукраинский фонд социальных исследований, 2012

17 Исследовательского Комитета Международной политологической ассоциации «Сравнительное общественное мнение» (Великобритания).

Участники:

Арбенина Вера Леонидовна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина (Украина);

Балакирева Ольга Николаевна – кандидат социологических наук, заведующая отделом мониторинговых исследований социально-экономических трансформаций Института экономики и прогнозирования НАН Украины; председатель правления Украинского института социальных исследований имени Александра Яременко, главный редактор журнала «Украинский социум» (Украина);

Безнос Михаил Анатольевич – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры политической социологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина (Украина);

Бекешкина Ирина Эриковна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социологии НАН Украины, директор Фонда «Демократические инициативы» (Украина);

Вишневский Анатолий Григорьевич – академик Российской академии естественных наук, доктор экономических наук, профессор, директор Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия);

Гаспаршвили Александр Тенгизович – кандидат философских наук, заведующий лабораторией изучения общественного мнения Центра социологических исследований Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Россия);

Герасина Людмила Николаевна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и политологии Национальной юридической академии имени Ярослава Мудрого (Украина);

Головаха Евгений Иванович – доктор философских наук, заместитель директора Института социологии НАН Украины, заведующий отделом методологии и методов ИС НАНУ, главный редактор академического журнала «Социология: теория, методы, маркетинг» (Украина);

Горбачик Андрей Петрович – кандидат социологических наук, декан факультета социологии Киевского национального университета имени Т. Г. Шевченко (Украина);

Ильмарв Магнус – профессор Института истории Таллиннского университета (Эстония);

Каменская Татьяна Григорьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Института социальных наук Одесского национального университета имени И. И. Мечникова (Украина);

Кизилев Александр Иванович – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой методов социологических исследований, директор Института социально-гуманитарных исследований Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, исполнительный директор Восточнотраинского Фонда социальных исследований (Украина);

Кононов Илья Федорович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (Украина);

Куценко Ольга Дмитриевна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальных структур и социальных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, вице-президент Социологической ассоциации Украины (Украина);

Николаевская Алла Михайловна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина (Украина);

Николаевский Валерий Николаевич – кандидат философских наук, профессор, декан социологического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, заведующий кафедрой социологии управления и социальной работы (Украина);

Пачулия Мераб – основатель и директор исследовательского центра GORBI (Грузия);

Подшивалкина Валентина Ивановна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и социальной психологии Одесского национального университета имени И. И. Мечникова (Украина);

Поступной Александр Николаевич – кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и политологии Национального технического университета «Харьковский политехнический институт» (Украина);

Ротман Давид Генрихович – доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (Беларусь);

Сокурянская Людмила Георгиевна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, вице-президент Социологической ассоциации Украины (Украина);

Фисун Александр Анатольевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина (Украина);

Чурилов Николай Николаевич – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института социологии НАН Украины, генеральный директор компании «SOCIS» (Украина).

Открыл дискуссию В. Бакиров.

Виль Бакиров: Шановні колеги та друзі, дорогі друзя, dear friends! Сегодня за этим круглым столом мы должны обсудить ряд проблем, ставших очевидными и требующих осмысления в связи с юбилейной датой: этой осенью исполняется ровно двадцать лет с начала процессов, которые позже получили название «процессы посткоммунистической трансформации», «транзит» и тому подобное. Это большой отрезок времени, а также огромный социально-исторический, политический, культурный опыт, который еще очень долго будет притягивать внимание социальных ученых (социологов, политологов, культурологов) и многих других исследователей. Сегодня у нас есть потрясающая возможность обсудить эти проблемы в кругу людей, представляющих различные траектории посткоммунистической формации или различные ее модели. У нас в гостях эксперты из России, Украины, Белоруссии, Грузии и Эстонии. Кроме того, есть эксперт, представляющий взгляд как бы со стороны. Я представляю вам одного из модераторов сегодняшнего «круглого стола» – профессора Кристиана Херпфера, который наблюдает, исследует и анализирует постсоциалистические трансформации из Западной Европы – из Шотландии и из Австрии. Думаю, что, ему есть, что сказать, и есть, что послушать. Кристиан Херпфер – ведущий профессор кафедры политологии и международных отношений Королевского колледжа университета Абердина, он же – директор Исследовательского европейского центра, а также член семнадцатого исследовательского комитета Международной политологической ассоциации.

Также я хочу сказать, что заседание нашего «круглого стола» удостоено вниманием прессы. Сегодня у нас в зале присутствуют корреспондент газеты «Время» Елена Зеле-

нина, корреспондент радио «Свобода» Владимир Носков, а также корреспондент агентства «Укринформ» Светлана Легостаева.

Чтобы определить концептуальные рамки нашей дискуссии, я приглашаю к первому слову профессора, доктора политических наук, заведующего кафедрой политологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина Александра Анатольевича Фисуна.

Александр Фисун: Уважаемые коллеги! Когда мы говорим о постсоветских трансформациях, то, мне кажется, должны попытаться осмыслить произошедшее за последние двадцать лет в широкой сравнительной исторической и теоретической перспективе, в которой эти события помещаются в более широкий контекст перехода различных регионов, государств к обществу современности, к обществу-модернити. На этом фоне произошедшие трансформации не являются столь уж уникальными или специфическими. Мы вполне можем говорить об определенных закономерностях. Однако сразу же следует оговорить, что современная социальная наука в значительной степени переосмыслила первоначальные представления о направлениях, траекториях, путях развития и трансформаций, как и представления о том, что появляется в результате этих трансформаций. К сожалению, долгое время мы рассматривали эти переходы в контексте противостояния демократии и тоталитаризма и этом фокусе все время пытались найти, кто относится к демократам или носителям демократических тенденций, а кто – к недемократам. Эта дихотомия значительно осложнила и одновременно упростила наш анализ того, что же происходит на постсоветском, посткоммунистическом пространстве.

Например, транзитологическая догма утверждала, что в посткоммунистических государствах после перехода возникает некая ситуация равновесия, при которой основные участники игры заключают определенный пакт. Этот пакт является точкой консолидации демократии, демократической системы. Действительно, центрально-европейские государства Восточной Европы демонстрируют подобие этого пакта. Однако в постсоветских государствах сходные пакты заключались по совершенно иному поводу и с иной повесткой дня. Этот повод заключался в создании системы ограничения конкуренции и закрепления недемократических правил игры. Таким образом постсоветские государства попадали в своеобразную институциональную ловушку, когда вершители экономических и полити-

ческих реформ не были заинтересованы ни в дальнейшей демократизации, ни в дальнейшем «открытии» общества. То есть это были пакты не о демократизации, а о консолидации недемократических правил игры и о «выдавливании» посторонних из раздела государства и присвоения государственных ресурсов. Поэтому, естественно, обществоведкам необходимо искать другие пути анализа, другие ракурсы и подходы.

В частности, для анализа происходящего многое может дать политическая антропология. Мы смотрим на постсоветские общества как на современные, современные общества, в которых присутствуют элементы рациональных отношений, существуют рационально-легальные связи. Однако если мы посмотрим на постсоветские государства с точки зрения инструментария политической антропологии, то мы увидим, что существует экономика дара, или дарообмена. Вместо капитализма существует то, что можно назвать «трибунтарным» или «тоническим» способом производства. Решающую роль в формулировании государственного курса, в принятии тех или иных решений политическими и экономическими элитами могут играть неформальные отношения и связи клиентарно-патронажного типа, неформальные институты. Кроме того, в политической антропологии хорошо известен феномен «cheefdom'a», то есть феномен «вождества». И, может быть, нам нужно смотреть на постсоветские государства как на некие «вождества» и анализировать их с применением соответствующего научного аппарата.

Вторая возможная линия переосмысления связана с неовеберианской макроисторической социологией, с возрождением интереса к Веберу и с преодолением упрощенных схем, сложившихся в рамках структурного функционализма. Все мы помним идеи относительно выстраивания линейного пути движения по пути рационализации, прогресса, расколдовывания мира и так далее. Неовеберианцы же показали, что в действительности фокус анализа, в том числе и анализа посткоммунистических государств, должен заключаться в динамике возникающих политических организаций. Политические организации возникают как ресурсоизымающие организации, которые пытаются восстановить контроль над территорией и чья функция заключается в обеспечении безопасности и в снижении трансакционных издержек для своих членов. В этой связи работы таких ученых, как Майкл Манн, Чарльз Фили и Рэндел Коллинз, помогают нам выйти на

новое понимание того, что же происходило в постсоветском регионе. И здесь я выделил несколько пунктов, представляющихся важными и подлежащими обсуждению.

Во-первых, постсоветские общества уже не являются переходными. То есть переходность – это не состояние движения от чего-то к чему-то, а это устойчивые отношения, которые кристаллизировались и которые приобрели характер системности. Переходы и трансформации были, но по сути это переходы внутри сложившихся образований.

Во-вторых, демократия не является итогом движения по траектории постсоветского развития. Она, скорее, является исключением, а не правилом. В значительной мере это обусловлено тем, что демократии являются следствием конфликта, когда стороны приходят к ситуации пата, в которой они вынуждены прибегать к демократическим правилам игры для того, чтобы не скатиться к гражданской войне. А так как в большинстве случаев необходимая ситуация равновесия не складывается, то участники игры (агенты политического, социального процесса) просто монополизуют экономическое и социальное пространства и закрепляют неравновесные состояния в своих интересах.

В-третьих, логика строительства государства и нации не всегда совпадает с логикой демократизации. В общем-то, эти две тенденции могут переплетаться и совпадать, но на отдельных этапах возникает противоречие между необходимостью рационализации бюрократизации государственного аппарата, необходимостью повышения того, что называется «state capacity», и логикой демократизации. Отсюда и разговоры о «твердой руке», о «просвещенном авторитаризме» и так далее.

В-четвертых, встает вопрос: «Кто же является движущей силой и движущим элементом трансформаций?». Традиционные теории говорили о том, что вначале возникают демократы и потом появляется демократия. А кто же является демократом? В либеральных демократических теориях – это средний класс; в марксистской концепции – рабочий класс; в неомарксистских концепциях – интеллигенция; в концепциях зависимости – трудящиеся третьего мира. В действительности же, неоинституциональная теория хорошо показывает, что вначале возникают именно правила игры, соглашение о которых заключают между собой эгоистические акторы. Уже потом, в рамках сложившейся демократии, возникают демократы.

В-пятых, постсоветские государства, являющиеся обломками различных постсоветских проектов, отличаются гетерогенной структурой. К сожалению, как показывают работы тех же неовеберянцев, сложившийся в Западной Европе проект нации-государства (предполагавший унификацию, гомогенизацию населения, совпадение политической и культурной нации) в постсоветском регионе осуществлялся с фактами этнических чисток и насилия, когда государство как высший суверен определяло условия включения в свое политическое сообщество. В связи с этим работа Майкла Манна о насилии демократии показывает наличие неразрывной связи французского проекта нации-государства с этническими чистками и геноцидом, который возможен только в условиях пертурбации международной системы. Недавно вышла целая серия работ американского профессора Альфреда Степана и его соавторов, в которой аргументируется, что для гетерогенных обществ больше подходит концепция не «нации-государства», а «государства-нации». То есть не унифицирующий проект единой культурной и политической нации, а проект, предполагающий разнообразие и гетерогенность составляющих элементов. Таким образом, можно выделить два полюса: на одном – французский проект, а на другом мы можем выделить такие государства, как Индия и некоторые другие. Украина и ряд других постсоветских государств, возможно, находятся где-то посередине.

В заключение я хотел бы обратить внимание на то, что в постсоциалистической, посткоммунистической теории переходов долгое время бытовали определенные гипотезы. Например, по поводу возникновения партий с «чистого листа» и партий, являющихся продуктами наследия. Новая идея заключается в том, что политические организации, возникшие в постсоветских государствах, как и возникший там тип капитализма, возможно, являются более передовой формой. Это то, что ждет Запад в ближайшие двадцать лет (после демонтажа существующих социальных институтов, таких, скажем, как государство всеобщего благосостояния). Мы развивались в условиях отсутствия характерных для Запада сдерживающих ограничений, к снятию которых он приходит только сейчас. В первую очередь, к ликвидации того, что можно назвать «проектом социального государства». Поэтому возможно, что точно так же, как германский или американский капитализм был более передовым по сравнению с британским, возникшие в постсоветских

государствах формы взаимодействия бизнеса и власти являются более передовыми, чем те, что существуют в центрах мирового капитализма. То есть мы не догоняем кого-то, не перенимаем чей-то образец свободного рынка или либерального капитализма, сами являемся образцом, к которому будут подтягиваться западные государства. Спасибо.

Виль Бакиров: Александр Анатольевич, спасибо за блестящее начало нашей дискуссии. Я хотел бы обратить внимание участников «круглого стола» еще на несколько существенных вопросов.

Прежде всего, была ли вообще кака-либо реальная почва для демократических преобразований на постсоветском пространстве? Если ее не было, то все понятно – ничего хорошего здесь произойти не могло и не произошло. Или почва эта была, и все хорошее произошло и происходит, как положено, а по-другому и не может быть. Просто наши ожидания опережают события – мы бы хотели все и сразу, а нужно подождать лет, скажем, двадцать-тридцать-сорок-пятьдесят. Но пока все идет нормально. Или третий вариант оценки того, что произошло: и почва была, и все остальное было, но просто по чьей-то вине был допущен ряд грубых ошибок, серьезных промахов и просчетов, поэтому мы имеем то, что имеем.

Я вспоминаю, какой огромный энтузиазм охватил нас двадцать лет назад. Тогда в воздухе буквально витали такие понятия, как «свобода» и «равенство». Миллионы людей слепо верили в то, что как только будет сметена ненавистная партократия, как только у райкомовских, обкомовских и прочих чиновников отберут «распределители», выставят их из квартир с улучшенной планировкой площадью 75 квадратных метров, как только всем позволят без очереди получать подписку на Бальзака, то сразу же воцарится полная демократия, земной рай и тому подобное. Сегодня мы уже забыли многих людей – Станкевича, Гавриила Попова... Анатолия Собчака помнят только благодаря Ксении Собчак... Но все они были властителями дум и рассказывали нам, как за пятьсот дней будет построен хороший цивилизованный капитализм. Прошло пятьсот дней, прошло пять тысяч дней...

Я бы хотел, чтобы и эти вопросы мы имели в виду в дальнейшей дискуссии.

Ирина Бекешкина: Вы очень хорошо задали тон дискуссии: можно ли было получить все сразу и быстро? Когда мы говорим об этом, то, как правило, анализируем два фактора: состояние общества и состояние элиты. И часто мы спорим: что важнее, что

было в начале? Но есть и третий, очень существенный фактор, который многое объясняет в различиях судеб постсоветского, вернее, постсоциалистического пространства Восточной Европы. Меня очень давно занимал вопрос: почему получилось у поляков, почему получилось у словаков и почему не получилось у нас? А здесь нужно смотреть на особенности приватизации, которые очень многое объясняют. Мы прекрасно знаем, что в Украине приватизация осуществлялась по принципу «для своих», совершенно непрозрачно и закрыто. Возможно, кто-нибудь когда-нибудь напишет историю украинской приватизации, но пока за это никто даже и не берется. Поэтому ничего интересного на эту тему почитать не удастся. Легче прочитать, как приватизация осуществлялась в Польше, в Балтийских странах. Там это было по-другому, потому что в эти страны мощно вошел зарубежный капитал. Я смотрела списки «Forbes». В первой сотне всего один чех, но там есть пять украинцев, семь казахов и очень много россиян. Поляки тоже уже есть, но где-то на четырехсотом месте, крупных олигархов в Польше нет.

Что же позитивного произошло в этих странах, почему у них получилось так легко и быстро? Потому что у них с самого начала не было сращивания крупного капитала и власти – они существовали отдельно. Крупный капитал смог сформироваться и существовать именно благодаря демократии, благодаря тому, что там была конкурентная среда и правила, которым должны были подчиняться все. В Украине эти процессы происходили по-другому. У нас за эти годы произошла тесная спайка экономической и политической власти, то есть то, что мы называем «власть крупного капитала». Сейчас это особенно очевидно. После «Помаранчевой революции» была возможность эту спайку разорвать, то есть заставить всех подчиняться единым правилам, чтобы не было капиталистов «для своих». Но, мы или не захотели, или не смогли, трудно сказать. Вначале, может быть, пытались...

Вообще, в нашей стране у людей, которые идут во власть (я имею в виду финансистов) очень своеобразные представления о том, зачем добиваться власти. Зачем финансировать политиков, если потом не сможешь воспользоваться этими привилегиями? Во власть идут для привилегий, а не для того, чтобы пользоваться правилами для всех. Вот поэтому так все и получилось.

А теперь давайте посмотрим на перспективы. Исходя из истории демократии в целом,

нам говорят, что мы должны подождать, ведь многие страны демократизировались двести лет. Что же происходило за эти годы? А происходило очень долгое, очень мучительное «отрывание» экономически господствующего класса от власти, разделение власти и крупного бизнеса через борьбу за всеобщее избирательное право, за открытость, за подотчетность и прочее. За это боролось и многого добилось сильное гражданское общество. Конечно, и в западных демократиях тоже есть смычки политики и крупного капитала, есть влияние, но такого срастания, как в наших странах, там нет. Я думаю, что перспективы украинской демократии, да и Украины как страны в целом, зависят от того, насколько удастся эту смычку разорвать. Пока я вижу только эту единственную перспективу. Мы обсуждали и с поляками, и со словаками вопросы о готовности или неготовности украинского общества к демократии (а социологи фиксируют слабость гражданского общества в Украине и, исходя из этого, говорят именно о нашей неготовности). Однако если проанализировать результаты сравнительного исследования (European Social Survey), то мы увидим, что по показателю деятельности в общественных организациях новые демократии, в том числе и являющиеся членами Европейского Союза, не сильно отличаются от Украины. Немного отличается Польша и Чехия. А Болгария, Румыния и другие страны – отличаются незначительно. Серьезно отличаются страны «старой демократии» – там участие в деятельности гражданских организаций где-то между двадцатью и тридцатью процентами. В новых же демократиях в среднем в районе пяти процентов.

Мне и поляки, и словаки говорят: «Вы знаете, мы тоже были не готовы. Но нас тянули в ЕС, и у нас был план действий, нужно было делать определенные шаги. Любые отступления от демократии были невозможны, потому что иначе нас не восприняла бы Европа». Таким образом, реальный единственный шанс Украины демократизироваться – это принять европейский вектор развития. Volens-nolens мы все-таки будем вынуждены развиваться в демократическом направлении. Насколько реален этот единственный шанс для Украины – это отдельный вопрос.

Другое отличие этих стран – и Польши, и Словакии, и, скажем, балтийских (где приватизация также происходила с активным участием западного капитала) в том, что у них у всех был безусловный консенсус и элит, и населения относительно того, что им нужно развиваться «в Европу». Поэтому эти страны

и смогли быстро преодолеть тот путь, на который у других ушло двести лет. Чтобы и у нас это произошло (пусть и не так быстро, но, по крайней мере, безболезненно), нам тоже нужно принятие пути в Европу и принятие тех правил, которые нам диктуют. Да, диктуют.

Виль Бакиров: Спасибо за очень четкое и ясное выступление, благодаря которому я понял, почему «спайка» экономической и политической власти была возможна здесь и была невозможна в Польше: есть различия в глубине демократических традиций. Там эти традиции были, а здесь их не было. Это убедительное объяснение. Я бы даже сказал, здесь их не просто не было, здесь был период сталинских репрессий и брежневского идиотизма, когда, грубо говоря, был очень «изуродован антропологический материал». То есть массовое сознание было деформировано донельзя, и мы вступили в полосу трансформации с людьми, которые к этому совершенно не были приспособлены.

Ирина Бекешкина: Я говорила не совсем об этом. Моя мысль в том, что если происходит «спайка» экономически господствующего класса и он становится политически господствующим, то он по самой своей природе урезает демократию.

Виль Бакиров: А почему эта спайка происходит?

Ирина Бекешкина: Потому что приватизация у нас таким образом происходила, распределение.

Виль Бакиров: А почему приватизация именно такая происходила, а не иная?

Ирина Бекешкина: Ну, это уже другой вопрос, почему она такая. А потому, что тут дилемма: или национальная буржуазия своя, такая, какая она есть, «со спайкой», или, скажем, широкое вхождение международного капитала и отсутствие своих в списке «Forbes». Тут только одно из двух.

Людмила Герасина: У меня вопрос к уважаемой Ирине Эриковне: как коррелирует тезис Александра Анатольевича о том, что постсоветские республики уже прошли транзитивную стадию и что теперь это государства нового порядка и, соответственно, другие социумы, с Вашей мыслью о том, что нам нужно в Европу, что это единственный выход. И какая же форма у нас: «государство-нация» или «нация-государство», или все-таки у нас какой-то третий вариант?

Ирина Бекешкина: У нас типичный гибридный режим. Типичный гибридный режим с элементами демократии и авторитаризма.

Людмила Герасина: Это режим, да. А каков государственный проект, о чем и

говорил Александр Анатольевич? Может, Александр Анатольевич какую-то новую дефиницию предлагает?

Александр Фисун: В рамках того, что здесь говорилось, я бы хотел обратить внимание на следующий момент: большую роль играет последовательность процессов бюрократизации, рационализации, демократизации, индустриализации и так далее. Западные европейские государства, в том числе и те, которые находятся в рамках Центрально-восточной Европы, сначала проходили фазу создания своих государственных организмов, а потом проходили демократизацию. У нас это происходит инверсионным способом, и поэтому у нас не решен вопрос о том, что можно назвать республикой. Республика – это есть разделение власти и бизнеса, о чем говорила Ирина Эриковна, создание системы, которая действует по общим правилам. Сначала возникает она, потом в ее рамках происходит демократизация. У нас обратный процесс. То есть сейчас мы решаем те задачи, которые были решены в раннем Новом времени, а в Центральной Европе – между двумя мировыми войнами.

Виль Бакиров: Я позволю себе заметить, что в начале девяностых годов ни в Украине, ни в России не было крупного капитала, крупного бизнеса. Он появился потом. И появился непонятно откуда, непонятно каким образом и оказался тесно спаян с политической властью.

Александр Гаспаришвилли: Буквально несколько слов в продолжение полемики. Отвечая на Ваш вопрос, Виль Савбанович, о том, могло ли или не могло получиться. Ну, во-первых, здесь очень трудно говорить относительно всего постсоциалистического пространства и даже относительно всего Советского Союза. У некоторых бывших советских республик могло получиться и получилось (по крайней мере, мы так считаем в России); у кого-то не могло получиться и не получилось; у кого-то могло получиться и не получилось. Но говорить о том, получилось или нет, очень сложно. Есть очень известные в России статья и монография, написанные одной молодой экономисткой, под названием «Почему в Грузии получилось?» В них рассказывается о том, как удачно в Грузии были проведены экономические, политические и социальные реформы. В частности, Институт стран Азии и Африки открыл специальную кафедру СНГ, а поскольку в России о Грузии материалов очень мало, то преподают там о Грузии именно по этой книжке. Однако, когда начинаешь излагать, почему в Грузии по-

лучилось, то сразу приходишь к тому, что на самом деле ничего-то и не получилось. В этой книжке не все правда, и у нас совершенно другое представление о том, что и как. Это к вопросу о том, где получилось, а где нет.

Теперь относительно того, получилось ли в России или нет. Сказав, что не получилось, я никому не открою Америку. Как осуществлялась приватизация в России, тоже всем известно, хотя в ней участвовал и огромный иностранный капитал, и кто только не участвовал. Но, тем не менее, это мало к чему привело. Хотя надежды были очень большие. Например, Иоанн Павел Второй, Папа Римский, считал, что после распада Советского союза Россия обладает таким огромным моральным и демократическим потенциалом, что очень оздоровит современную Европу. В частности, что демократические процессы в Европе возродятся и будут развиваться с новой силой. Однако этого не произошло. Есть интересная книга американского профессора Джерри Хаффа, живого классика американской политической социологии и социологической политики, где он изложил ожидания, связанные с Россией, с возникновением и развитием в ней демократии. На основе большого числа социологических исследований Хафф анализировал социальные процессы, происходящие в России, и вычислил, что на выборах победят коммунисты и Ельцин, после чего в стране установится демократия. В принципе, это было логично, потому что во многих бывших социалистических странах Европы к власти пришли социал-демократы.

Ирина Бекешкина: Ну, так они ж не те коммунисты...

Александр Гаспаршвили: Дело в том, что российские коммунисты не имеют ничего общего с коммунистической партией. Это действительно социал-демократы практически в чистом виде. А поскольку после победы социал-демократов к власти фактически приходит общество, начинают развиваться и другие общественные силы, укрепляется гражданское общество. Гражданское общество развивается вне зависимости от того, как прошла приватизация или как она не прошла. Само же развитие гражданского общества, для которого есть все социальные и политические возможности, позволяет дальше говорить о развитии поступательной демократии. Но, как потом оказалось, в силу определенных причин (банальной подтасовки данных и нежелания коммунистов пропустить к власти другие силы) демократические преобразования в нашей стране пошли весьма странным образом. И мы получили то, что сейчас у нас называется «суверенной демократией».

Перспективы, в общем-то, малопонятны. Это что касается России.

Если же говорить о других странах, то происходящее в них очень трудно сравнивать. Совсем недавно мы закончили большое сравнительное исследование (Проект Еврокомиссии «Социально-экономические трансформации в странах постсоветского пространства»), в котором участвовали практически все страны этого пространства. В результате была выявлена очень интересная вещь: трансформации в разных странах не просто несопоставимы, даже речь не может идти ни о каком сравнении, поскольку все процессы в разных странах идут невероятно разнонаправлено, а в некоторых случаях весьма странно. Например, изучая Азербайджан, заходя на любые его официальные сайты, мы лишены возможности получить правдивые данные о социальных и экономических процессах в этой стране.

Кроме того, большую роль в наших странах играет не столько состояние и развитие социальных и экономических процессов, сколько политическая ситуация. Как сегодня уже говорили, наши страны находились как бы вне общемировой социальной тенденции. Когда мы все после «тепличных условий» столкнулись с реальной политикой, она оказалась сильнее экономики, сильнее чего угодно.

Виль Бакиров: Спасибо, Александр Тенгизович, очень интересные и тонкие замечания.

Я обращаюсь ко всем и ни к кому с таким вопросом: а, может быть, есть народы, которым противопоказана демократия, которые не в состоянии исповедовать демократические ценности?

И еще один вопрос: может быть в России, Украине или где-то еще не хватило не только гражданского общества, демократических традиций, хорошей, честной, качественной элиты, но еще и такой малости, как мораль? Вот если бы была хорошая, сильная мораль, если бы в людях, в массах было развито чувство справедливости, достоинства, честности, самопожертвования, то, может быть, не было бы всего того, о чем мы сейчас говорим?

Ирина Бекешкина: Если бы все это было, тогда про социализм можно было бы говорить.

Юрий Вишневский: А что, в Польше морали больше?

Александр Гаспаршвили: Виль Савбанович, мораль можно понимать по-разному. Когда в 1993-ем году в России стреляли в здание Парламента, российская интеллигенция объясняла это исключительно, так сказать, моральными соображениями необ-

ходимости. Потому что, «а как же иначе?»

Виль Бакиров: Это связано со своеобразным пониманием морали российской интеллигенцией. А есть и некие фундаментальные моральные ценности.

Мераб Пачулиа: Вот мы с вами обсуждаем, «почему?» Когда Советский Союз распался, Запад оказался не готов к тремстам миллионам человек советского блока (которые были образованны, сыты, которые зарабатывали, потому что работали). Всем этим людям Запад не мог дать больше и лучше, чем Советский Союз. Это, во-первых.

Во вторых, это историческая память. Дед моего друга мог рассказать ему, как жила свободная Литва. А мой дед, даже если бы его не расстреляли в тридцать седьмом году, все равно не мог бы мне поведать о свободной Грузии, потому что это знал только его прапрадед, умерший лет двести назад. А в Польше, Чехии, Прибалтике даже сейчас немало людей, которые помнят, как жила свободная страна в досоветский период.

Еще один фактор – это, так сказать, «политическая гравитационная сила России», которая, мягко говоря, не помогает себе и остальным быстро интегрироваться с цивилизованными странами.

Несмотря на то, что у нас в Грузии нет коррупции (я не говорю о происходящем на уровне элит), у нас «не получается» еще и из-за личной неприязни двух диктаторов (Саакашвили и Путина). Но это наша личная, сугубо личная проблема.

И, естественно, очень значима приватизация.

Вот почему у нас пока не получилось и почему получилось у Болгарии, почему очень скоро получится у Албании.

Юрий Вишневский: Вы знаете, все эти разговоры: «получилось – не получилось»..., а что получилось? Чисто содержательно, так сказать? Что хотели получить и что в итоге получили? Например, кризис 2008 года показал, что в Прибалтике получилось не очень. То есть мы должны говорить о критериях вот этого «получившегося». Если у Латвии в девяностых годах что-то получалось, то только потому, что уральская мафия объединилась с латвийской элитой. Латвия вышла на второе место в Европе по продаже металлопроката, который туда свозился нашими мафиозными структурами. То есть там не было особых политических моментов.

И второе, уже про Россию. У нас же долгое время приватизацию «по Чубайсу» противопоставляли приватизации «по Лужкову». А сегодня выясняется, что выбирать здесь, что лучше, не приходилось.

Может быть, мы не «не туда пошли», а «не то хотели получить»? То есть была проблема выбора пути, который мы, по сути, выбирали методом тыка.

Магнус Ильмярв: «Получилось или не получилось?». Я бы хотел добавить, что на сегодняшний день у нас из трех с половиной миллионов человек уже эмигрировало порядка восьмьсот тысяч. Из Латвии, где было два с половиной миллиона человек населения, в Россию иммигрировало двести тысяч или даже больше. Если мы сравним обстановку с послевоенной, сколько тогда погибло и сколько эмигрировало людей, то современные потери гораздо значительнее.

Виль Бакиров: Действительно, один из важных критериев успешности реформ – это количество желающих жить в стране и количество желающих выехать из нее. У нас, по некоторым данным, порядка сорока процентов молодых людей хотели бы покинуть Украину. Значит, в этой стране они не видят будущего для себя.

Андрей Горбачик: На мой взгляд, есть два варианта: один – это искать теорию и пытаться подогнать под нее то, что мы наблюдаем; другой – это все-таки смотреть, что мы действительно имеем, и пытаться с этим разобратся. Не всегда действительность укладывается в теорию, и здесь нет ничего страшного. Также мне кажется, что соответствующий критерий демократии – это возможность включить жизнь населения страны в жизнь всего мира. Советский Союз проиграл только по одной причине – жизнь усложнилась, и невозможно было уже управлять по прежним законам. Вот все и начало валиться. А как только мы открываем границы, молодежь уезжает: где-то интересней, где-то ты нужнее, где-то ты себя можешь реализовать. Это, кстати, проблема всех университетов. Если эта страна будет неинтересна для молодежи, мы ничего не сделаем. К счастью, закрыть границы мы не можем – мы задохнемся. Огромный Советский Союз задохнулся, он не смог держать свои границы закрытыми. Сегодня пришли совершенно новые модели развития, в которых главное – это дать перспективу молодежи. Другого способа нет, иначе у страны нет будущего.

Что же говорить о демократии? Ничего хорошего в ней нет. Это медленный и скучный способ принятия решения в поисках консенсуса, какие-то переговоры... В результате Европа медленно развивается, а там, где принимаются быстрые и эффективные решения, скажем, как в Китае, происходит быстрое развитие.

Мы можем говорить о том, что элиты переструктурируются, о том, что они делают

сегодня и что они сделают через полгода. Но если мы говорим о состоянии общества, обо всех ЕСС, АССП и так далее, то все наши исследования говорят о достаточно ригидных, слабоизменяющихся ценностных ориентациях. С 2000-го года по 2005 у нас тоже было одно исследование, в рамках которого мы изучали такие ценностные ориентации, как демократия, либерализм, свобода и тому подобное. Однако показатели демократии – это не только соответствующие ценности, но также и доверие. И эти показатели должны коррелировать. Но что же мы видим? В 2005 году доверие подскочило невообразимо, а ценности не изменились.

В долгосрочной же перспективе, мне кажется, что главный критерий – это молодежь. Если они все уедут – у нас нет перспективы. Но задерживать их за закрытыми границами тоже невозможно.

Виль Бакиров: Это не так страшно, потому что не всех возьмет Запад.

Андрей Горбачик: Не всех, но самых лучших.

Виль Бакиров: Отнюдь.

Давид Ротман: «Получилось – не получилось?». А судьи-то кто? Кто судит о том, получилось или не получилось? Мы здесь можем говорить все, что угодно, исходя из нашей субъективной и внешней точки зрения. Но как считают те люди, на которых это «получилось – не получилось» распространяется? В этом-то и состоит главная проблема. Мне здесь повезло в том, что девятого декабря 1991 года, сразу же после знаменательной встречи в Беловежской Пуще в рамках нашей программы «Общественное мнение» по поручению очень высокопоставленных лиц (в частности, по просьбе господина Кравчука и господина Шушкевича) мы провели опрос. И что же? Мгновенно выяснилось это самое «получилось – не получилось» в принципе. Выяснилось, что подавляющее большинство людей, опрошенных в Украине, Белоруссии и Российской Федерации (около 80 процентов) согласны, с тем, что было подписано, что все сделано правильно и все замечательно. Затем точно такой же опрос был проведен через десять лет, в 2001 году. И почему-то цифры оказались диаметрально противоположными (уже несогласных было процентов 80). Еще через пять лет (то есть через пятнадцать после распада СССР), эта цифра оказалась где-то посередине.

После распада Советского Союза все государства постсоветского пространства оказались примерно в одинаковом положении (экономическом, моральном и так далее). И все, как говорится, стартовали в будущее.

Но почему-то мы все дальше и дальше расходимся в разные стороны. На вопрос: «Почему мы идем в разные стороны?» очень бы хотелось получить ответ.

У меня сейчас есть данные исследований мировых и европейских ценностей, которые проводились за последние годы. Мы сравнивали Беларусь, Россию, Латвию, Литву, Чехию, Польшу, Голландию и Францию. Часть этих стран – постсоветские, которые не вошли в Евросоюз; часть – оказались в Евросоюзе, будучи постсоветскими; часть – это посткоммунистические страны Центральной Европы; часть – это страны, где не было фашизма. Возможно, что при сравнительном анализе и были какие-то натяжки, связанные с выборками, но определенная тенденция четко видна: за последние двадцать лет в рамках жизни одного поколения не произошло никаких изменений в отношении к базовым ценностям (таким, как семья, работа, друзья, досуг, политика, религия и так далее). Следовательно, здесь никакие процессы и изменения не могут происходить быстро и мгновенно. В этой связи вспоминается притча про Моисея, который водил иудеев по пустыне сорок лет, чтобы вытравить чувство раба. А мы хотим с этим чувством что-то сделать незамедлительно.

Я хочу еще немного рассказать о Беларуси. У нас все шло достаточно позитивно, начиная от удовлетворенности людей качеством жизни и заканчивая оценками властных структур, демократии. Все показатели замечательно шли вверх. Но за последние полгода, когда начались финансовые проблемы, все сразу же резко изменилось. А начались эти проблемы, как только к нам пришли западные инвесторы. Это интересный момент, требующий серьезного осмысления.

Наше дело – просто обдумать, что получается и что не получается с позиций того, как это оценивают миллионы людей. Мы должны делать выводы, исходя из этих оценок.

Виль Бакиров: К тому, что сегодня прозвучало, добавлю следующее: что-то получилось, что-то не получилось. Но я абсолютно убежден, многое именно что получилось (по крайней мере, в Украине). Например, это возможность ездить по миру, которая раньше отсутствовала полностью. Дальше, это свобода слова, свобода информации. Вспомним прежние времена: я ездил в ИНИОН и чуть ли не в Обкоме партии получал разрешение, чтобы меня впустили Парсонса почитать. Сейчас же, читай – не хочю. Дальше, есть многопартийная система, демократические выборы. Безусловно, фальсификации присутствуют, но они есть почти везде. Но вспомните советские вы-

боры: если в области за нерушимый блок коммунистов и беспартийных проголосовало 99,8 процентов, это был провал, потому что нужно было 99,9. Сейчас совсем другая система. Дальше, какая-никакая, но либерализация духовной, культурной жизни существует. Даже такая мелочь, как магазины second hand, где ты можешь купить себе пусть и поношенную, но качественную, красивую и доступную одежду. Также наше общество стало совсем другим с точки зрения этнической толерантности. То есть все-таки что-то получилось. Пусть и не безупречная демократия, не образец. Может быть, даже ущербная, но она присутствует.

Александр Поступной: И все же, несмотря на последнее выступление нашего уважаемого модератора, немножко грустно. Не получилось и все никак не получается (я говорю об Украине). Когда мы получили нашу свободу, мы перешли к рыночной экономике и хотели перейти к капитализму. Мы пустили капитал. Но это невероятно мощная сила. Созданный спонтанно капитал очень быстро превратился в главную силу украинского общества. За невероятно короткий срок нам удалось создать класс, у которого собственность стала миллионной, многомиллионной и миллиардной. Теперь государство защищает их и только их интересы.

И потом, простите, а как что-то у нас могло получиться? Этой силе удалось убедить всю остальную массу населения сидеть и ждать, когда на них падет манна небесная. Почему же этой силе никто не возразил? Тогда очень часто ссылались на наших властителей дум, которые сказали, что для того, чтобы мы жили прекрасно, необходимо перейти к рыночной экономике, и все сделает «невидимая рука рынка». Помните, как это было.

Михаил Безносков: Уважаемые коллеги, позвольте вернуться к истокам нашей сегодняшней дискуссии, а именно к вопросу, есть ли адекватная теория, которая объясняет происходящее в постсоциалистических странах? Нужна ли нам такая теория? И если нужна, то какой она должна быть? Здесь сразу же возникает вопрос или, вернее, сомнение в том, что выбирать в качестве критерия оценки. Вопрос «получилось – не получилось» методологически не совсем корректен, потому что это субъективный вопрос, на который мы можем получить только глубоко субъективный ответ. Что же касается теории, то, на мой взгляд, она, безусловно, должна присутствовать, и мы должны стремиться к тому, чтобы ее огласить. Понятно, что это про-

цесс трудоемкий, длительный, а, может, и бесконечный. Возможно, мы никогда и не получим исчерпывающую теорию, но к ней обязательно нужно стремиться. Иначе мы просто будем рассуждать, не обладая никакими критериями для адекватной оценки происходящих процессов.

К вопросу о том, можно ли сравнивать несравнимое: может ли некая теория социальных и социетальных трансформаций объяснить происходящее в постсоциалистических странах в той же мере, в какой она объясняет происходящее в других странах? Конечно, такая теория есть, это теория социальных изменений. Трансформация – это такое же социальное изменение, как и другие социальные изменения. Конечно, есть нюансы, есть различные стартовые условия, но, в принципе, есть ряд теорий, которые более-менее адекватно позволяют оценивать те или иные процессы. Однако нам интересна теория трансформаций с точки зрения того, что она потенциально может объяснить, чем же именно постсоциалистические страны уникальны, чем они отличаются от других стран, в которых происходят похожие, но немного не такие изменения. Нам необходимо искать такую теорию, но, прежде всего нужно найти достаточно четкие критерии для оценки происходящих изменений. Есть ли что-то общее в постсоциалистических странах? Да, есть. Например, это деиндустриализация. Это критерий, который легко измеряется, проверяется, и можно легко показать, какие страны более деиндустриализированы, а какие – менее. То есть, по оценке деиндустриализации можно оценить успех или провал процессов трансформации. Понятно, что сама по себе деиндустриализация может и не обладать негативной коннотацией. В долгосрочной же перспективе деиндустриализация – это очень плохо. Если продолжать этот логический ряд, то деиндустриализация приводит к упадку фундаментальной науки, к провалу естественных наук и просто к деградации.

Илья Конов: Мне кажется, что поднятую сегодня проблему мы стали рассматривать очень узко, в рамках всего лишь национального государства или национальных государств. На самом деле теоретические координаты гораздо шире. В частности, модерн, о котором сегодня шла речь, с этой точки зрения является мировой капиталистической системой. Советский Союз был попыткой создания альтернативной системы накопления капитала. Соответственно, целью ликвидации социалистической си-

стемы было восстановление целостной мировой капиталистической системы. Что же при этом происходило? Происходил процесс сдвига на периферию тех стран, которые входили в социалистическую систему. Это был общий тренд. С этим трендом связаны и общая деиндустриализация, и другие проявления. Правда, затем некоторые страны попытались удержаться на полупериферии. Вот России, например, удалось задержаться на полупериферии благодаря созданию авторитарного режима.

Теперь второй момент. Необходимо найти главный социально-экономический процесс, который объяснит, кто же был агентом сдвига на периферию наших стран. На мой взгляд, таким процессом является конвертация власти и собственности. Существующий у нас способ производства предполагает именно этот постоянный, непрерывный процесс конвертации власти и собственности (для его описания я когда-то предложил использовать термин «мульковый капитализм»). В связи с этим социальным агентом «периферизации» страны выступала элита. Ее быстрое обогащение было осуществлено именно через «подключение» к мировым хозяйственным связям через этот процесс.

Валентина Подшивалкина: Мне кажется, что для того, чтобы мы могли сделать правильные оценки, все-таки нужно посмотреть на наше методологическое обеспечение, на наш инструментарий. Проводя сравнительный мониторинг трансформационных процессов, мы обязательно должны учитывать особенности конкретных исследовательских проектов: характер исполнителей; интересы субъектов, стоящих за этими исследованиями, а также особенности конкретной ситуации в стране. Мне кажется, что сложно рассчитывать на некую единую шкалу, с помощью которой мы будем измерять трансформации десять, пятнадцать, двадцать лет и после этого сопоставлять полученные цифры. Я не говорю, что этого не нужно делать, но этого недостаточно.

Также нам необходима концепция и конкретные технологии оценочных исследований. Другое дело, что многие из наших социологических исследований давно уже оценочные по своей методологии, но они не осмыслены как таковые.

Кристиан Херпфер: Благодарю всех за интересные выступления. Я же добавлю, что в начале трансформационного процесса были политические дискуссии, является ли он открытым или закрытым процессом. В свое время Френсис Фукуяма написал известную работу «Конец истории», в кото-

рой он высказал убеждение, что существует автоматический переход каждой страны к демократии и рыночной экономике. То есть вы засыпаете в Советском Союзе, возглавляемом Михаилом Горбачевым, а просыпаетесь уже в капиталистическом раю. Все и каждый войдут в демократическое общество. По прошествии двадцати лет мы можем утверждать, что Фукуяма был не прав. Сложно говорить, какие теории справедливы, а какие – нет. Единственное, что возможно, это с точностью утверждать, какие теории не сработали.

В связи с трансформацией можно говорить, что два десятилетия назад существовали как бы «первый мир» (мир развитых капиталистических стран), «второй мир» (социалистические государства) и страны третьего мира. Когда прекратилось существование Советского Союза, «второй мир» исчез. Перед постсоветскими странами возник исторический вопрос, по какому пути идти: к «первому миру», к «третьему» или выбрать какой-то свой путь развития. И на этом этапе страны разделились. Это некая своеобразная философская историческая перспектива нашего обсуждения.

Вполне очевидно, во всяком случае, из тех докладов, что я сегодня услышал, что трансформации – это открытый процесс. Трансформация, демократия, экономические аспекты имеют множество форм и их взаимосочетаний. Если посмотреть историю развития демократии в той же Англии, в особенности, сколько времени занял весь этот процесс, то можно сказать, что мы с вами проявляем некоторое нетерпение, хотим получить результаты как можно быстрее.

В принципе, я согласен с Вилем Бакировым, что можно сопоставить перечень того, что было до трансформаций, и того, что мы имеем сейчас. Конечно, вы пользуетесь большим количеством свобод, которых не было раньше. Все вы можете спокойно выехать за границу – хоть в Лас-Вегас, хоть в Африку, конечно, если у вас достаточно денег для этого. Все вы можете получить свободный доступ к информации через Интернет. И этот список можно продолжать и продолжать.

Среди показателей успешного трансформационного процесса также следует выделить то, что история и традиции играют очень важную роль. Если в стране существуют традиции, связанные с парламентской, партийной демократией (как в Чехии, Словакии или Словении), то, конечно же, социальные изменения будут проходить быстрее и правильнее. Это то, что мы назы-

ваем «зависимостью от выбранного пути» или же «инерцией». Если вы уже выбрали определенный путь развития, то и будете следовать ему.

Некоторые аспекты, которые затрагивались в сегодняшнем обсуждении, очень важны и имеют под собой основание. Например, важно определить, что, было в начале пути, в начале трансформации. Так, например, в январе 1992 года ситуация в Словении полностью отвечала ситуации в Молдове. Также необходимо принять во внимание состояние и условия развития общества, существовавшие до установления коммунистической власти в этих странах. Все это задает некую траекторию модернизации, которая влияет на факты успешности.

Также я хочу сказать, что, если посмотреть на развитие крупного капитала в западных странах, то среди таких фигур, как Рокфор и Рокфеллер, многие были бандитами. И сейчас в Америке олигархи, крупный капитал оказывают большое влияние на политическую систему. То же можно сказать и об Англии, где медиа-олигархи осуществляют огромное влияние на политические события. Вопрос заключается в том, как контролировать олигархов и создавать пространство для выхода других социальных групп к власти. Каждое капиталистическое общество имеет своих олигархов. Вы не исключение. Просто необходимо найти способ их контроля и ограничений. Это все.

Александр Гаспаришвили: Я хочу еще добавить, что дело не только в том, как контролировать олигархов, но и в том, кто контролирует олигархов. Как можно контролировать гражданское общество? Как можно контролировать демократию?

Алла Николаевская: Еще пару часов назад я даже не представляла, что попрошу слова на этом «круглом столе», поскольку не считаю себя специалистом в области политической социологии. Но моя память вытолкнула в область сознания два воспоминания, которые связаны с двумя горячо любимыми мною республиками – Грузией и Эстонией. И, может быть, что эти воспоминания помогут кому-нибудь ответить на вопрос, почему, несмотря на одинаковые усилия, у кого-то получается, у кого-то не получается, и если получается, то получается по-разному.

Воспоминание первое: середина семидесятых годов, маленький эстонский город Пярну, шесть маленьких пионеров отправляются туда по приглашению своих друзей на фестиваль дружбы. Мы много путешествовали по городу, и вот к концу перво-

го дня заметили, что вокруг нас какая-то странная атмосфера. Это было связано с тем, что мы очень громко разговаривали на фоне абсолютно молчащих жителей этого города. Они не были чем-то угнетены, просто у них было не принято так громко галдеть, как галдели мы.

Эпизод второй: Тбилиси, 1981 год, апрель, Пасха. В середине дня мы с друзьями вышли на улицу, а там никого нет. На мой вопрос: «А где же все?», мне сказали: «Ну Пасха же! Все же дома, празднуют!» И я задала следующий вопрос, которым, наверное, обидела своих грузинских друзей: «А где же пьяные?!».

Татьяна Каменская: Спасибо, коллеги. Мне кажется, что во всем сказанном чего-то не хватает: мы настолько увлеклись политическими и экономическими факторами, что совсем забыли о социальном. Забыли, какая социальная структура была в России, в Украине и так далее. Насколько структура наших обществ отличалась от существовавшей в Польше, в Прибалтике и даже в Грузии. В 90-е годы кто-то из россиян дал характеристику, что это выпускники школы-интерната были выпущены в жизнь среди самоопределяющихся людей.

Мне кажется, что мы действительно чего-то недоработали в силу не только временного фактора, но и в силу чего-то совершенно другого, может быть, нашей ментальности.

Виль Бакиров: Большое спасибо за эту реплику. Действительно, есть очень хороший, все и ничего не объясняющий термин «ментальность». Плохая ментальность – и все понятно. Хорошая ментальность – тоже все понятно.

Ольга Куценко: Я буквально просто озвучу три или четыре тезиса-ответа на те вопросы, которые были сформулированы Вилем Савбановичем. Почему пути трансформаций разошлись, почему разные результаты этого долгого трансформационного развития у разных стран.

Безусловно, на процессы трансформаций воздействовало множество факторов. Но, анализируя различные исторические, статистические и так далее данные, в первую очередь, стоит говорить о двух «вытягивающих» факторах, «вытягивающих» процесс трансформации к конкретным результатам.

Прежде всего, это фактор культуры, который впитывает историческое наследие, проявляющийся в массовом сознании. В тех самых культурных ценностных моделях, которые влияли либо не влияли, поддерживали либо не поддерживали определенные типы

заданий их мнения. Безусловно, фактор культуры не существует без носителей, без конкретных социальных групп, выражающих, представляющих, воспроизводящих и сохраняющих социально укоренные базовые ценности. Как это ни парадоксально, в плане политической культуры мы имеем ту же самую картину, что и двадцать лет назад. Сегодня Давид Ротман уже обратил наше внимание на аспект базовых ценностей.

Другой «вытягивающий» фактор – это фактор внешнего капитала, приток внешних инвестиций. Там, где он имел место, где он был существенным, он влек за собой очень быстрое формирование более-менее цивилизованного класса капиталистов, класса собственников. И это существенно повлияло на характер, на результаты строительства рынка и соответствующих форм экономических отношений.

Второй тезис заключается в том, что нам стоит говорить о роли, о значимости, о реальности некой культурной матрицы, за пределами которой общества быть не могут. И, возможно, в трансформациях украинского общества сейчас мы подошли к некому барьеру, связанному с этими культурными матрицами, который не дает возможности продолжить инерционное развитие в рамках имеющихся институтов. Инерционное развитие закончилось. Инерционный потенциал тех институтов, которые были, постепенно исчез, натолкнувшись на барьеры культуры. И что же дальше? А дальше, возможно, эволюционное развитие, но только теперь уже очень медленное и постепенное. Весьма постепенное накопление иных измененных ценностей в культурном сознании общества.

И третье. Сегодня мы уже явно можем говорить о том, что изменения рынка и демократические изменения прямо не связаны. Постсоциалистические трансформации нельзя описывать в такой связке: изменения рынка – это изменения демократии. Это могут быть самостоятельные линии развития обществ. И, судя по всему, это равнопорядковые изменения. Но все же, если демократические изменения происходят, если демократия укореняется, то она создает достаточно широкое социальное пространство для выхода накопившихся интересов, протестного потенциала игроков в экономике и игроков на рынке. Тех самых классов собственников и несобственников, интересы которых сталкиваются. Если есть развитое демократическое пространство, то есть возможность выхода этих интересов. Если нет, то будет происходить накопление

социального протеста, протестного потенциала. Это то, о чем говорил Евгений Иванович, – отсроченная революция. То, что может быть в том случае, если демократия не будет развиваться.

Андрей Горбачик: Мы с вами говорим о культуре. В принципе, Советский Союз – это советская культура минус все остальное. То есть культурой страны была универсальная советская культура и все, что остается после нее в каждой конкретной стране, в Украине, Белоруссии и так далее.

Все это требует не просто наших разговоров, а каких-то реальных конкретных эмпирических исследований. Вот, например, британская команда изучала и опубликовала модель изучения того, как влияет скорость приватизации в странах Восточной Европы на демократию и смертность. У нас это даже не обсуждается. Я еще раз хочу подчеркнуть, что все требует эмпирического изучения. Модели могут быть какими угодно.

Николай Чурилов: С учетом того, что «круглый стол» проходит в рамках социологических Чтений, я бы хотел поделиться некоторыми результатами социологических исследований. В частности, нас интересовало, как трансформационные процессы в нашем обществе сказались на социальном знании людей, на их отношении к социальной действительности и так далее. Я основываюсь на результатах исследований, которые компания «Социс» проводила в начале девяностых годов, а также тех исследований, которые, начиная с конца девяностых годов, проводились по методике, разработанной Натальей Викторовной Паниной и Евгением Ивановичем Головахой. Мы изучали изменения социального самочувствия у нашего населения в те или иные периоды времени. Также мы изучали, в какой мере наше общество подвержено тем или иным социальным страхам. В результате анализа данных я сделал следующий вывод: если в начале девяностых годов людям не хватало еды, жилья, мебели и так далее, но при этом они были вполне удовлетворены качеством медицинского обслуживания, юридической поддержки, возможностью полноценно проводить свой отдых и тому подобное, то в настоящий момент (а это результаты буквально двухнедельной давности) ситуация поменялась, как говорится, с ног на голову. Сейчас люди, наоборот, удовлетворены возможностью улучшить свое жилищное положение, приобрести новую мебель и одежду, возможностью сбалансированно питаться. А не удовлетворены они, прежде всего, не-

обходимой медицинской помощью. Причем индекс социального самочувствия по этой характеристике падает катастрофически. Если еще два года назад он составлял по двухбалльной шкале примерно 1,78, то сейчас он – 1,33. Это самый низкий показатель. Если в целом индекс социального самочувствия у нас может меняться незначительно в ту или иную сторону, то некоторые показатели (такие, как юридическая помощь, защита своих прав, возможность подработки) резко падают.

Делать вывод о том, что социальное самочувствие населения ухудшается, мы не можем, потому что даже в случае самой короткой шкалы это измеряется по двадцати показателям. Однако нужно обращать внимание на достаточно тревожные симптомы, которые проявляются.

Что же касается социальных страхов, то и здесь все поменялось с ног на голову. Если в начале девяностых годов население больше всего боялось роста преступности, голода, экологических катастроф, то сейчас на первое место выходит безработица, стремительный рост цен и прочие экономические показатели. Экологические же страхи, несмотря на то, у нас в Украине экология отнюдь не улучшается, с каждым двумя-тремя годами, становятся все меньше и меньше. На первое место выходят совершенно другие социальные страхи. Мне кажется, что это достаточно тревожный симптом в нашем обществе, на который мы как социологи должны обратить внимание. Мы также должны привлечь к этому внимание тех, кому регулярно кладутся на стол наши доклады и наши информационные справки.

Вера Абренина: Я озвучу провокационный вопрос, который у меня возник после тезиса Ольги Дмитриевны о том, что все решает культурная матрица. И одновременно с этим у нас как мантры звучат два термина «Европа» и «демократия». Так, может быть, политическую, экономическую, социальную жизнь нам нужно строить все-таки с учетом сложившейся культурной матрицы?

Ольга Куценко: По сути, это призыв быть реалистами, а не идеалистами.

Ирина Бекешкина: Я бы сказала так: «Если привыкли плевать на пол, то нужен пол, который легко мыть».

Юрий Вишневецкий: Замечу, что, к сожалению, в России основная часть народона-

селения живет по принципу «расслабься и получай удовольствие». То есть имеет место долготерпение и привыкание. Становится хуже, а мы уже привыкли. Вот где проблема. Но как долго народы позволят властям затягивать улучшение ситуации?

Виль Бакиров: Я хочу сказать несколько слов в заключение. Нам всем не хочется расходиться. По-видимому, многое осталось невысказанным, но, безусловно, это был полезный, интересный, взаимообогащающий и вдохновляющий разговор. Возможно, мы отклонялись от строгих научных и методологических канонов в пользу того, что Евгений Иванович Головаха называет «метафорической социологией». Сегодня метафорической социологии было достаточно много. Но она тоже имеет право на существование, потому что мы не просто наблюдатели или беспристрастные регистраторы происходящих событий, мы – их непосредственные участники, мы живем этой жизнью. Возможно, многое мы ощущаем на уровне подсознания и поэтому имеем право говорить не только на строго научном языке, но и на языке метафор, эмоций и ощущений.

Для себя из сегодняшнего разговора я вынес многое, многое стал по-другому воспринимать. Силами этого экспертного сообщества мы, действительно, подводим итоги двадцатилетнего пути. Двадцать лет назад многие из присутствующих еще ходили в школу или даже в детский сад, а кто-то был постарше. Это огромный отрезок жизни и истории, наполненный колоссальным количеством событий – драматических, пошлых, возвышенных, трагических, каких угодно. Нам, социологам, выпало, если хотите, счастье все это наблюдать, потому что для социологов ситуация изменений является невероятно привлекательной.

Сегодня мы еще раз убедились в том, что многое остается неосмысленным, непонятым, требующим дальнейших размышлений. Я согласен с Андреем Петровичем Горбачиком, который говорил, что здесь нужны четкие эмпирические данные, без которых мы будем только гадать и предполагать. Нужно обращаться к мощной эмпирии, и тогда наши множественные теории тоже будут работать.

Я выражаю огромную благодарность всем, кто выступил, и всем, кто терпеливо слушал. Всем огромное спасибо!